

МАРГАРИТА ПАВЛОВНА БОЛОТСКАЯ

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка историко-филологического факультета, Пензенский государственный университет (Пенза, Российская Федерация)
margarita_bolotskaya@mail.ru

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В СОЗДАНИИ ОБРАЗА ВЛАСТИ В РОМАНЕ В. П. АКСЕНОВА «МОСКОВСКАЯ САГА»

Выделены, проанализированы и систематизированы с лингвистической точки зрения механизмы речевого воздействия представителей власти (на материале трилогии В. П. Аксенова «Московская сага»): проанализированы конструкции с прямой речью (адресанты – И. В. Сталин, Л. П. Берия), определены роль и место лексико-грамматических единиц, участвующих в раскрытии образа власти, в реализации авторской прагматики. В ходе исследования применялся метод филологического анализа текста (семантико-стилистический и контекстуальный приемы). Рассмотрены стилистические особенности функционирования местоимений, имен собственных и спрягаемых глагольных форм в речи Сталина и Берии: использование личных (*мы/ты/вы*), притяжательных (*наши/свои/твои*) местоимений и имен собственных, показывающих отдаленность или приближенность тех или иных людей к вождю и его отношение к ним (они выступают в качестве разграничивающего элемента между двумя сторонами: «я» + «мое окружение» = «свои»; «все остальные» = «чужие»); в числе «любимых» у Сталина – указательное местоимение «*этот*» (в том числе для усиления указания на предмет речи и как выражение пренебрежительного отношения). В отношении лиц приближенных использование имен собственных без отчеств, в отношении членов партии – обращения «товарищи», к остальным – конструкций типа: имя нарицательное + имя собственное (имя + отчество используется при уважительном обращении). Для речи Сталина и Берии характерно употребление глаголов настоящего времени в значении актуального и обычно повторяющегося действия. Еще одним средством характеристики персонажа являются слова автора, сопровождающие акт говорения (Берия видится автору более эмоционально-подвижным, для изображения данного персонажа писатель использует характеризующие глаголы с более негативной окраской). В грамматической форме переплетается категориальное значение и лексическая семантика. Семантические функции грамматических форм связаны с намерениями говорящего, его коммуникативными целями, поэтому рассмотрение значения и функции грамматической формы невозможно без анализа контекстуальных условий. Язык обладает важнейшим свойством передавать в рамках категориально-грамматических отношений мироощущение носителя языка, его видение происходящего. Грамматические категории активно участвуют в раскрытии образа власти, представленной В. П. Аксеновым в «Московской саге».

Ключевые слова: лексико-грамматические средства, грамматические значения, образ власти, В. П. Аксенов

Понятие власти многогранно и многоаспектно. Философский смысл его заключается в представлении данного явления в качестве специфического инструмента управления, созданного для достижения поставленных целей. Власть, таким образом, предстает перед нами как

способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью какого-либо средства¹.

Предлагаемое философским словарем обоснование дает нам возможность соотнести явление власти с государственным аппаратом и формирующими его политическими деятелями. Процесс взаимосвязи власти как действия и как деятеля можно увидеть и в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой, где слово «власть» выступает в четырех значениях: 1. Право управ-

ления государством, политическое господство. 2. Органы государственного управления, правительство. 3. Право и возможность распоряжаться, повелевать, управлять кем-, чем-л. 4. Могущество, господство, сила². В нашей работе мы будем соотносить понятие власти со вторым значением.

Для страны образ лидера, политика, стоящего во главе страны, является характеризующим (показательным). Вне своего государства он – отражение лица нации, внутри – образец для подражания. Е. Шейгал, проанализировав понятийное ядро концепта «власть», выделяет следующие его базовые составляющие: «господство (доминирование), право, контроль (способность контролировать), сила, влияние, принуждение, авторитет» [10: 99]. На наш взгляд, все выявленные компоненты данного концепта обладают коммуникативной и дискурсивной значимостью. Р. Блэклар отмечает, что люди, имеющие «властные

позиции», могут пользоваться разными лингвистическими механизмами. Наиболее эффективным арсеналом средств обладают деятели, у которых в распоряжении наибольшая власть, они могут выбирать слова и выражения в зависимости от своих потребностей [2: 90]. Имидж политического деятеля формирует целый ряд характеристик, но основополагающую в мире коммуникационных отношений, на наш взгляд, составляет речь.

Материалом для научного анализа послужила речь власти в произведении В. П. Аксенова «Московская сага», о котором автор, в частности, писал: «...биографический материал здесь используется очень широко» [9: 195]. В данной работе будут рассмотрены механизмы воздействия на материале диалоговых ситуаций, соотносимых с образами И. В. Сталина и Л. П. Берии.

В связи с интересом к универсалиям и функциональному аспекту изучение морфологии русского языка предполагает и рассмотрение вопросов, связанных с грамматическими значениями, их оппозициями; с семантическим потенциалом слова (возможные его сочетания, основывающиеся на разных целевых установках человека, прагматических и эмотивных, нацеленных на создание особого эффекта). По мнению Я. И. Гина,

изучение границ выразительных возможностей грамматических категорий (разрядов) – важная задача эстетики языка; ее решение позволит не только более полно и адекватно описать поэтический язык, но и, думается, углубить наши знания о природе самих категорий [5: 42].

Я. И. Гин органично включал анализ живого употребления словоформ в «грамматическое учение о слове». Развивая отечественную языковедческую традицию в области изучения закономерностей функционирования форм слова, представленную в трудах Н. П. Некрасова, А. А. Потемни, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Я. И. Гин представил интересные примеры взаимодействия категориального значения грамматических форм, их лексического значения и контекстуальных условий.

Значение грамматической формы выражается не только самой грамматической формой, но и контекстом, в котором находят свою реализацию «частные значения» грамматической формы. Изучение категориальных значений грамматических форм в различных условиях употребления дает возможность выявить не только системно-категориальный, но и речевой смысл, представляющий собой результат взаимодействия языкового содержания высказывания, контекстуальной, ситуативной и энциклопедической информации.

При рассмотрении семантики грамматической формы необходимо обращение не только к такому понятию, как частное значение, но и к функции грамматической формы (оба этих понятия используются в лингвистике довольно давно,

см., например, работы А. В. Бондарко, В. В. Виноградова, Р. Якобсона, И. Г. Милославского, Я. И. Гина и др.).

Согласно Я. И. Гину,

грамматическая категория лица местоимений и глаголов занимает особое место в ряду грамматических категорий и лексико-грамматических разрядов [6: 112].

Местоимения как «речевые сигналы личного плана» [7: 26] являются яркими выразителями субъективно-модального значения, в анализируемом художественном произведении широко отражена смысловая и стилистическая многогранность их. Так, отдаленность или приближенность тех или иных людей к вождю и его отношение к ним помогают выразить местоимения: в речи Сталина местоимения «ты» (18,6 %) и «вы» (24,4 %) используются чаще других. Примерами могут служить разговор Сталина с профессором Градовым по поводу собственного здоровья, обращение к генералу Градову с предложением подготовить детальную записку об обстоятельствах дел на фронте:

Я бы хотел, чтобы вы сделали мне полный медицинский осмотр, профессор Градов; Я хотел бы, товарищ Градов, чтобы вы подготовили детальную докладную записку для очередного заседания Совета Обороны³.

В этих и многих других примерах местоимение «вы» используется как форма вежливого обращения к одному лицу. Однако местоимение «вы» в речи И. В. Сталина используется и в другой функции: оно помогает создать ощущение противопоставленности, а его периодические повторы служат средством давления на собеседника:

Вы понимаете, что это значит: мне перестать работать?; Мне не нравится, как вы тут занимаетесь физиономистикой, профессор Градов, – сказал он, не оборачиваясь; Я вас больше не задерживаю, профессор Градов, – сказал Сталин и тут же покинул кабинет (разговор Сталина с профессором Градовым по поводу здоровья вождя).

В отличие от «вы», местоимение «ты» более демократично, оно, как бы уравнивая участников коммуникации, соответствует эпохе (все люди – товарищи). Местоимение «ты» может вносить в речь элементы оценочно-характеристического свойства. Заметим, что Сталин ко всем своим товарищам по Политбюро часто обращается на «ты» и по имени:

Какие перспективы развития этого края тебе представляются, Лазарь? (имеется в виду Лазарь Моисеевич Каганович, сподвижник Сталина); Этот Градов, – проговорил Сталин. – Как он тебе, Лаврентий? (имеется в виду Лаврентий Павлович Берия, нарком внутренних дел).

Притяжательные местоимения («наши» (9,3 %), «ваши» (8,1 %), «свои» (4,6 %) используются и для отделения позиции Сталина от позиции собеседника, а также служат средством

создания иронии (в том случае, если у вождя хорошее настроение):

*Ну, и какой же из этих **ваших** двух, – голос Сталина тут вдруг взметнулся под потолок, как у спорщика в кавказском духане, – из этих **ваших** двух сильных ударов будет главнейшим? (разговор с генералом Градовым); А как, Лаврентий Павлович, по **вашему** мнению, воспримут эту акцию наши друзья в капиталистическом мире? (на заседании Политбюро по поводу образования Еврейской автономной области).*

Местоимение 1 л. мн. ч. «мы» указывает на группу лиц, включая и говорящего, группу, с которой говорящий себя отождествляет. Укажем, с кем отождествляет себя Сталин, когда говорит «мы»/«наши»:

*Человек и боль – это, может быть, самый фундаментальный вопрос цивилизации. Я не удивлюсь, если узнаю, что вы удостоены за этот труд Сталинской премии первой степени. Хотя, должен признаться, мне показалось, что кое-где там звучат пессимистические нотки, но **мы** не будем их касаться («мы» = «я»), в данном случае Сталин соотносит себя, возможно, даже с монархом);*

***Нам** необходимо тщательно продумать список наших насущных нужд. От этого будут зависеть заказы, которые Рузвельт сделает американским заводам («мы» = «страна», «государство»);*

*Это очень хорошо, что в **нашем** советском парламенте рядом с рабочими и колхозниками будут заседать представители советской науки, в частности **нашей** передовой медицины («нашем» = «народном», «советском»);*

*А как, Лаврентий Павлович, по **вашему** мнению, воспримут эту акцию **наши** друзья в капиталистическом мире? (притяжательное местоимение «наши», думается, служит средством иронии, так как СССР долгое время не мог установить с Западом военных отношений по политическим (идеологическим) разногласиям).*

Сравним употребление тех же местоимений в речи Берии. Особенной разграничительной функцией в речи Берии обладают личные и притяжательные местоимения, которые составляют 49,6 % от числа всех местоимений, использованных в речи этого руководителя. Они выступают в качестве разграничивающего элемента между двумя сторонами: «я» + «мое окружение» = «свои» и «вышестоящее начальство» + «все остальные» = «чужие». В соответствии с этой позицией и используются местоимения.

В первом случае – я, мы, ты, вы, наш, мой:

*Вахтанг, Гиви, Ваню, Мурман, Резо, Борис, Захар, **ты** тоже, Нугзар, – не стесняйся, дорогой, давайте поговорим по-партийному!; Я рад, что **ты** всегда меня понимаешь правильно, Нугзар (разговоры с подчиненными, «ты» = «свое окружение»);*

***Мы** тут собрались, товарищи, поговорить о Ладое Кахабидзе; Сталин питает доверие к **своим** верным товарищам в нашей республике, что **мы** его не подведем?; Понимаете, **мы**, в правительстве, очень взволнованы **вашим** заключением о состоянии здоровья товарища Сталина; Нестор, Серго, Арчил, **вы** знали Ладое с девятьсот пятидесяти года, **вы** уверены, что он **наш** друг, что*

он хороший товарищ? (в разных диалогах «мы» = «я» + «мои приближенные»; «я» + «члены партии»).

Во втором – вы, твои, свой, ваш:

***Вы** давно не любите советскую власть, Борис Никитич?; Я просто подумал, что человек **вашего** происхождения и воспитания, возможно, не любит советскую власть; Скажите, **вы** действительно считаете, что ему нельзя работать, или это у **вас**, так сказать, эмоциональное, что ли, ну, как бы по отношению ко всему?; А ведь **вы** не всегда, Борис Никитич, были таким стойким, негибаемым врачом...; Для нас, например, не было секретом, что **ваш** сын, будучи дважды Героем Советского Союза, не любил советскую власть; Понимаете, мы, в правительстве, очень взволнованы **вашим** заключением о состоянии здоровья товарища Сталина; ...вот потому мы все так и обеспокоены **вашим** заключением...; если кому-нибудь скажешь о нашей встрече, понял, о нашем разговоре, я **тебя** отдам со всеми потрохами Мишке Рюмину и **ты** свою гордость проглотить вместе со **своими** кишками и яйцами точно так же, говно козы, как ее **твои** еврейские дружки, Геттингер и Трузси, проглотили и др.*

В данном случае Берия специально использует словосочетание «ваш сын», вместо «маршал Градов», чтобы указать и на причастность отца к такой неправильной позиции сына; в последнем приведенном примере Берия буквально «забрасывает» допрашиваемого местоимениями «ты – твой – свой», тем самым показывая свою власть и принижая достоинство собеседника.

В числе любимых и у Сталина, и у Берии указательное местоимение «этот» (указательные местоимения составляют более 16 %). Чаще всего оно используется в связи с заменой некоторого словосочетания из предыдущего предложения или для усиления указания на предмет речи:

***Это** очень хорошо, что в нашем советском парламенте рядом с рабочими и колхозниками будут заседать представители советской науки, в частности **нашей** передовой медицины; От **этого** будут зависеть заказы, которые Рузвельт сделает американским заводам; А **ты** в **этом** уверен, Лаврентий?*

Но в некоторых случаях служит для выражения пренебрежительного отношения:

*Немедленно отпусти **эту** девчонку и оставь всех **этих** Градовых в покое...; **Этот** Градов и др.*

В процессе общения представители власти широко используют обращения. Рассмотрим семантику обращений, так как функция обращения составляет основную семантическую функцию вокатива. Как известно, вокатив включен в план модальной, а не диктумной семантики предложения: обращение способно (хотя и не обязательно должно, это его побочная функция) отображать устанавливаемый говорящим регистр общения, подчеркивая его отношение к получателю информации [1: 336]. В «Русской грамматике» обращение характеризуется как распространяющий член предложения, «называющий того, к кому адресована речь»⁴. Позволяя адресату «идентифицировать себя в качестве получателя речи»

[1: 365–366], падежная форма в функции обращения играет роль особого контактоустанавливающего средства⁵. Способы выражения обращений различны: в отношении лиц приближенных – имена собственные без отчеств, в отношении членов партии – «товарищи» (нераспространенное или распространенное), при обращении к остальным – конструкции типа «имя существительное нарицательное + имя собственное», «имя + отчество» обычно используется при уважительном обращении:

*А ты не путаешь опять, **Лаврентий?**; Познакомь меня, **Вячеслав!**; Не волнуйся, **Николай**; Я хотел бы, **товарищ Градов**, чтобы вы подготовили детальную докладную записку для очередного заседания Совета Обороны; Дорогие **товарищи!**; Вы подготовили детальную разработку операции, **товарищ Градов?**; У нас у всех много дел, **товарищи**.*

Интересно посмотреть, как меняется отношение Сталина к профессору Градову во время осмотра:

*Я бы хотел, чтобы вы сделали мне полный медицинский осмотр, **профессор Градов**; Я считаю, **профессор Градов**, что вы, прежде всего, врач...; Жалобы есть, конечно, **Борис Никитич**; ... вот такие дела, то да се... **Борис Никитич**...; Если возникнут просьбы в связи с вашим сыном, обращайтесь, **Борис Борисович**...; Мне не нравится, как вы тут занимаетесь физиономистикой, **профессор Градов**.*

Вначале мы видим достаточно вежливое, но холодное формальное обращение «профессор Градов», которое далее сменяется уважительным «Борис Никитич», но по мере поступления неудобной для Сталина информации (Градов предлагает Сталину отдохнуть от государственных дел в связи с проблемами со здоровьем) появляется совсем оскорбительное «Борис Борисович», которое снова уступает место официальному «профессор Градов».

У Берии акт разделения людей на группы с помощью имен происходит приблизительно так же. Имена собственные встречаются в речи Берии довольно часто (93 раза). Они служат номинацией лиц, стран, государственных органов. Наибольший интерес представляют антропони́мы. Данные имена используются при обращении, а основная их функция – это разделение объектов обращения на «своих» и «чужих». Интересно, что всех своих подчиненных Берия называет по имени, что свидетельствует о дружеском расположении героя к этим людям, о его близости к ним:

***Нестор, Серго, Арчил**, вы знали Ладо с девяносто пятого года, вы уверены, что он наш друг, что он хороший товарищ?; **Вахтанг, Гиви, Вано, Мурман, Резо, Борис, Захар**, ты тоже, **Нугзар**, – не стесняйся, дорогой, давайте поговорим по-партийному!; Садись, **Нугзар**...; Ты почему молчишь, **Нугзарка?** и др.*

Совершенно по-другому Берия обращается со Сталиным, профессором Градовым, генерал-

майором Рюминым. Со Сталиным он соблюдает субординацию, называя его «товарищ Сталин», «Сталин» (при личных встречах, в разговорах с другими членами партии) или «Коба» и «Хозяин» (при упоминании его имени в разговорах с другими):

*Я имею в виду «ежовскую травму», **товарищ Сталин**, – сказал он; А разве уместно, товарищи, везде, как это делает Ладо, после первой же рюмки болтать, что у **товарища Сталина** шесть пальцев на ступне одной ноги...; Многие старые товарищи называли **Сталина Кобой**; На ночь глядя нам надо еще к **Хозяину** заехать и др.*

Обращаясь к своему заместителю (Михаилу Рюмину), при допросе Берия называет его по имени-отчеству: «*Послушай, **Михаил Дмитриевич**, ты не можешь нас ненадолго оставить?*» Упоминание полного имени с отчеством свидетельствует об уважении Берии к своему заму, а также об умении Берии соблюдать правила хорошего тона. С другой стороны, когда Берия вполне серьезно начинает кому-либо угрожать, покровы вежливости спадают с него, обнажая сущность хама: «...я тебя отдам со всеми потрохами **Мишке Рюмину**, и ты свою гордость проглотить вместе со своими кишками и яйцами...» Снова обращение к заму, но суффикс -к- «съедает» всю изначальную вежливость, намекает на то, что Берия относится к своему заму как к холопу, который может выполнить любую «грязную работу». При допросе профессора Градова Берия начинает процесс общения с вежливых форм обращения – «Борис Никитич», далее переходит с дистантного, но вежливого «вы» на пренебрежительное «ты» и все же снова смягчается и останавливается на «вы»:

*А вот так нельзя, **Борис Никитич**, – милейшим тоном обратился тут Берия к Градову...; Вы давно не любите советскую власть, **Борис Никитич?** – доброжелательно спросил он; Такое бывает, **Борис Никитич**; **Борис Никитич**, вот именно как с врачом разговариваю, дорогой! – взмолился Берия; А ведь вы не всегда, **Борис Никитич**, были таким стойким, негибаемым врачом...; Слушай, старый хуй собачий, если эта информация куда-нибудь просочится, блядь сраный, если кому-нибудь скажешь о нашей встрече, понял, о нашем разговоре, я **тебя** отдам со всеми потрохами **Мишке Рюмину**, и **ты** свою гордость проглотить вместе со своими кишками и яйцами точно так же, говно козы, как ее **твои** еврейские дружки, Геттингер и Тривси, проглотили; А ведь мы с **вами** едва ли не родственники, **Борис Никитич!** – вдруг милейшим образом рассмеялся Берия.*

Данный переход демонстрирует истинную сущность наркома, срывает с него маску доброжелательного интеллигентного человека, показывает жестокость Берии, это «волк в овечьей шкуре».

По мнению А. В. Бондарко,

одним из фрагментов анализа семантических функций на уровне текста является анализ семантики и структуры временного порядка [3: 36].

Видо-временные глагольные формы в условиях контекста, приобретая целый ряд грамматических и стилистических особенностей, помогают охарактеризовать действующих лиц художественного произведения, а значит, напрямую связаны «с субъективным, модусным измерением высказывания и текста» [8: 719].

В речи И. В. Сталина глаголы употребляются в основном в форме настоящего времени изъявительного наклонения (55 % от всего количества глаголов) в значении действия, которое происходит в данный момент времени:

*Спасибо, профессор, я хорошо себя **чувствую**, хорошо (настоящее актуальное),*

а также в значении обычно повторяющегося действия:

*Ну, знаете, в наших краях люди до ста лет **живут**... До ста лет спокойно **живут**. Жалуются, но **живут**, — он улыбнулся, видимо вспомнив кого-то в «своих краях» (разговор с профессором Градовым).*

В данном контексте делается упор на глаголе «живут» (форма изъявительного наклонения настоящего времени со значением обычности, постоянства процесса). Глагол на протяжении трех предложений употреблен трижды. Повтор его специально используется Сталиным в качестве давления на решения Градова о постановке вождю диагноза.

*У всех людей во взглядах **мелькают** неожиданные вещи. Иногда и у тебя, Лаврентий Павлович, **ловлю** во взгляде что-то неприятное (разговор с Берией о генерале Градове).*

В данном контексте Сталин размышляет о том, доверять или не доверять Градову вести военные действия, намекает на свою подозрительность и в отношении Берии, причем высказывается об этом конкретно. Обычность действия, о котором рассуждает вождь, подтверждается формами глаголов настоящего времени изъявительного наклонения в сочетании с наречием «иногда»:

*Сталин минуту или две **смотрел** в окно на проходящие по октябрьскому небу безучастные облака, потом произнес: — Но древо жизни вечно **зеленеет**... (по поводу болезни Фрунзе) и др.*

В речи Л. П. Берии глаголы употребляются в основном в форме настоящего времени изъявительного наклонения (42,4 % от всего количества глаголов); в форме прошедшего времени (21 %); в форме будущего времени (14,7 %). Глаголы в настоящем времени часто имеют значение характеристики предмета:

*Что он, действительно хороший человек или только **притворяется**?; Может быть, товарищ Сталин **питает доверие** к своим верным товарищам в нашей республике, что мы его не подведем?; Я рад, что ты всегда меня **понимаешь** правильно, Нугзар; Почему всегда меня **подталкиваешь** к решению?; ...партия нас **учит***

демократичности, товарищескому отношению к младшим по званию и др.

Все приведенные выше высказывания лаконичны и вместе с тем ярки и выразительны. Формы настоящего несовершенного, представляющие своего рода обобщения, характеристики персонажей, широко используются в тексте. Большое значение имеет при этом распространение глагола (облигаторное или факультативное), наличие при нем зависимых слов соответствующей семантики.

Глаголы прошедшего времени в речи Берии часто обозначают результат совершенного в прошлом и законченного процесса, который сохранился и в настоящем:

*Я вас правильно **понял**, товарищ Жуков, что главный вопрос состоит в том, как остановить танки Гудериана?; Хорошо, что ты не все **рассказал** о своих родственниках, Нугзар; Откуда такой **взялся** — Евг.; Ха-ха-ха, ну, Нугзар, **насмешил**... все-таки ты еще не совсем занудой **стал**...; Я вот только сейчас **перелистал** ваше дело и кое-что **увидел**, записанное нашими товарищами еще в старые времена и др.*

Используя в последнем предложении формы прошедшего времени в сочетании с наречием «сейчас», Берия при помощи отсылки к прошлому пытается надавить на профессора Градова и таким образом заставить его пересмотреть свое решение по поводу здоровья товарища Сталина.

Единичным является использование формы будущего времени в значении обобщенного факта в отвлечении от характера его протекания: «*Ну что, друзья, **будете считаться**, кто первый начал?*» В данном контексте сквозит ирония. Берия подшучивает над обоими участниками допроса: чекистом Рюминым и профессором Градовым.

Еще одним средством характеристики персонажа являются слова автора, которые могут передавать мимику, жесты, действия, сопровождающие акт говорения. Благодаря им мы можем более точно представить суть характера персонажа, его отношение к предмету речи, собеседнику, его манеру поведения. Необходимо отметить стандартизированный, грамматикализированный способ выражения слов автора в данном произведении, когда встречаются привычные глаголы речи: *произнести, сказать, ответить, спросить*. По нашим подсчетам, таких «нейтральных» глаголов в предложениях, относящихся к речи Сталина, 34 %: *сказал, произнес, проговорил, спросил, заговорил*. 23 % глаголов являются «характеризующими»: *пробурчал, исторг, прохрипел, простонал, проворчал, воскликнул*. Названные формы обозначают действие, предшествующее высказыванию или сопровождающее его:

*Сталин минуту или две **смотрел** в окно на проходящие по октябрьскому небу безучастные облака, потом произнес: — Но древо жизни вечно зеленеет...*

Сталин «смотрел» в окно после случая с Фрунзе, что говорит о состоянии задумчивости, а образ окна, на наш взгляд, ассоциируется с образом будущего так же, как и образ дерева. Цитата включена не полностью, взята из «Фауста» И. В. Гете. Упоминается также, что данную фразу очень любил повторять покойный на тот момент В. И. Ленин (таким образом подчеркивается преемственность вождей).

В прозе В. П. Аксенова аористные формы глаголов несут большую стилистическую нагрузку, они действенны и активны. «В этом сухом лаконизме изложения, – по словам В. В. Виноградова, – скрыта огромная сила эмоционального внушения» [4: 220].

*Высадка в Европе?! – Сталин быстро здоровой рукой **придвинул** к себе коробку «Герцеговины Флор», **вытащил** трубку из кармана кителя.*

Действия, которые совершил вождь, говорят о том, что для него это событие стало новостью. Об этом также свидетельствует интонация (оба знака), наречие «быстро», глаголы «придвинул», «вытащил» и существительное «трубка», а также обычное понимание свойства «курения» – оно якобы помогает успокоиться.

Формы прошедшего совершенного в аористном значении помогают создать впечатление, что «мысль лишь скользит по прошедшему событию, не останавливаясь»⁶. Однако они передают не простое следование фактов прошлого друг за другом, отчетлива связь между ними, последующее как бы вытекает из предыдущего:

*Он сел на свое место, минуту или две **копался** в бумагах... будто стайка пойманных птиц трепетали в тишине сердечики (уничиж. разг. суффикс -ишк- помогает передать страх) вождей... потом вдруг **отодвинул** все бумаги, **вперился** страшным взглядом в залоснившуюся физиономию Лаврентия, свирепо **заговорил** по-грузински: – Чучхиани прочи, что ты творишь, по-донок?!*

Формы аориста помогают представить излюбленный прием Сталина – потянуть время, чтобы довести подчиненных до состояния наивысшего

накала эмоций; в данном случае, чтобы еще раз показать свою власть над ними, заставить почувствовать, что все они в его руках. Действия до выговора – «затишье перед бурей», вследствие чего они отделены от начала высказывания плановым многоточием.

Для создания образа Берии автор использует большее количество эмоционально окрашенных глаголов, часто с негативной окраской: *взвизгнул, рывкнул, взмолился, воскликнул, шептал, расхохотался, рассмеялся, улыбнулся, вздохнул, посуровел, похохатывал, постанывал.*

Суммируя короткие авторские замечания, мы получаем не только яркие и насыщенные характеристики персонажей, но и можем проследить изменения, происходящие в их психическом состоянии.

Как видим, язык обладает важнейшим свойством передавать в рамках категориально-грамматических отношений мироощущение носителя языка, его видение происходящего. Один из самых ярких шестидесятников В. П. Аксенов в трилогии «Московская сага» буквально «расправляется» со Сталиным и его «вторым я» – Берией.

Естественно, что небольшая по объему статья не претендует на всестороннее освещение обозначенных вопросов. Они требуют углубленного исследования. Однако те наблюдения, которые возникли в процессе анализа текста романа В. П. Аксенова, надо полагать, будут полезны в дальнейшей работе по изучению стилистики грамматических категорий, использования грамматических форм в произведениях художественной литературы. Синтагматика любой морфологической категории, любой грамматической формы (именной, глагольной и др.), ее употребление в составе различных синтаксических единиц, в связях и отношениях с другими формами – это ее жизнь, которая требует тщательного изучения на разнообразном языковом материале. Это та «активная» грамматика, о которой писали Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, над которой работал Я. И. Гин.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. С. 85.

² Словарь русского языка: В 4 т. / Академия наук СССР, Ин-т языкознания. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. Т. 1. А–И. С. 234.

³ Здесь и далее цитаты из произведения В. П. Аксенова «Московская сага» приводятся по изданию: Аксенов В. П. Московская сага. М.: Эксмо, 2013. 928 с. Цитаты даются курсивом.

⁴ Русская грамматика: В 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 2. С. 163.

⁵ Русская грамматика: 1–2. Praha: Academia, Československé akademie věd, 1979. S. 884.

⁶ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 4. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. С. 157–158.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Блэккар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88–120.
3. Бондарко А. В. Анализ глагольных категорий в системе функциональной грамматики // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XI. Ч. 1. Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики. СПб.: Наука, 2015. С. 25–36.

4. Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 362 с.
5. Гин Я. И. Поэтика грамматического рода // Поэтика грамматики / Сост., подгот. текста С. М. Лойтер. Петрозаводск: Национальная библиотека Республики Карелия (оформление электронного издания), 2017. С. 5–111.
6. Гин Я. И. Поэтика грамматической категории лица // Поэтика грамматики / Сост., подгот. текста С. М. Лойтер. Петрозаводск: Национальная библиотека Республики Карелия (оформление электронного издания), 2017. С. 111–120.
7. Матвеева Г. Г., Зюбина И. А. Письменный текст: подходы к выявлению скрытой прагматики // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2018. Т. 17. № 2. С. 26–32.
8. Никитина Е. Н. Видо-временные формы рамочных глаголов в русском нарративе XIX–XXI веков // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XI. Ч. 1. Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики. СПб.: Наука, 2015. С. 719–738.
9. Чернышенко О. В. Концепция времени и истории в романе В. Аксенова «Московская сага» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2007. № 1. С. 195–198.
10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.

Bolotskaya M. P., Penza State University (Penza, Russian Federation)

LEXICO-GRAMMATICAL MEANS OF CREATING THE IMAGE OF STATE POWER IN VASILY AKSYONOV'S NOVEL *MOSCOW SAGA*

The mechanisms of speech influence of high-ranking state officials (in Vasily Aksyonov's trilogy *Moscow Saga*) are identified, analyzed and systematized from the linguistic point of view: constructions with direct speech (of Joseph Stalin and Lavrentiy Beria) are analyzed, the role and place of lexical and grammatical units used for depicting the image of state power and the implementation of the author's pragmatics are determined. The method of philological text analysis (in particular, semantico-stylistic and contextual methods) was used in the study. The stylistic features of the functioning of pronouns, proper names and finite verb forms in Stalin's and Beria's speech are examined: the use of personal (*we/you*), possessive (*our/your*) pronouns and proper names, showing the remoteness or proximity of certain people to the leader and his relation to them (they act as a differentiating element between two sides: "I" + "my environment" = "us"; "all others" = "them"); the demonstrative pronoun "this" is one of the Stalin's favorites (among other reasons, he uses it for strengthening the indication on the subject of speech and as an expression of neglect). The confidants are referred to by their first names without surnames, the party members – as "comrades", and all other people – by structures of the following type: a common noun + a proper name (first name + patronymic are used in respectful forms of address). Present tense verbs used for describing currently important and usually repetitive actions characterize the speech of Stalin and Beria. Another means of characterizing the characters are the author's words that accompany the act of speaking (Beria seems more emotionally agile to the author, so he uses descriptive verbs with more negative connotations for creating the image of this character). Categorical meaning and lexical semantics intertwine in grammatical forms. The semantic functions of grammatical forms are associated with the speaker's intentions, with his communicative goals, so the study of the meaning and function of the grammatical form is impossible without the analysis of contextual conditions. The language possesses the most important property to transfer the attitude of native speakers and their vision of the events within categorical and grammatical relations. Grammatical categories are actively used for depicting the image of state power in Vasily Aksyonov's *Moscow Saga*.

Key words: lexico-grammatical means, grammatical meaning, image of the authorities, Vasily Aksyonov

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Sentence and its meaning. Logical and semantic problems. Moscow, 1976. 383 p. (In Russ.)
2. Blakar R. M. Language as an instrument of social power. *Language and modeling of social interaction*. Moscow, 1987. P. 88–120. (In Russ.)
3. Bondarko A. V. The analysis of verb categories within the framework of functional grammar. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Science*. Vol. XI. Part 1. St. Petersburg, 2015. P. 25–36. (In Russ.)
4. Vinogradov V. V. The style of *The Queen of Spades* by Pushkin. *The language of fictional prose*. Moscow, 1980. 362 p. (In Russ.)
5. Gin Ya. I. Poetics of the grammatical genus. *Poetics of grammar*. (S. M. Loyter, Ed.). Petrozavodsk, 2017. P. 5–111. (In Russ.)
6. Gin Ya. I. Poetics of the grammatical category of face. *Poetics of grammar*. (S. M. Loyter, Ed.). Petrozavodsk, 2017. P. 111–120. (In Russ.)
7. Matveeva G. G., Zyubina I. A. Written text: Approaches to identifying implicit pragmatics. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2018. Vol. 17. No 2. P. 26–32. (In Russ.)
8. Nikitina E. N. Tense and aspect forms of frame verbs in Russian narrative between the 19th and the 21st centuries. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the institute for linguistic studies*. Vol. XI. Part 1. St. Petersburg, 2015. P. 719–738. (In Russ.)
9. Chernyshenko O. V. The concept of time and history in Vasily Aksenov's novel *Moscow Saga*. *Vestnik of Kostroma State University*. 2007. No 1. P. 195–198. (In Russ.)
10. Sheygal E. I. The semiotics of political discourse. Diss. Doct. Sci. (Philology). Volgograd, 2000. 440 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 23.04.2018